

Мирей Берутти ВАРЛАМ ШАЛАМОВ – ИСТОРИК И ПРОРОК

Я пишу о лагере не больше, чем Экзюпери о небе
или Мелвилл о море [1].

Вспоминая Варлама Шаламова таким, каким она его знала в шестидесятые и семидесятые годы, Ирина Сиروتинская отмечает, что «он не просто говорил, думал вслух, он учил, проповедовал, пророчествовал» [2].

Анализируя творчество Шаламова, как его художественные произведения, так и его эссе о поэзии и о прозе, ощущаешь необыкновенный авторитетный тон писателя. Привыкнув к этому тону и проанализировав его, вряд ли скажешь, что он происходит от чрезмерной гордости, высокомерия или снисходительности к читателю, тем более, что в тех же текстах иногда заметна какая-то авторская скромность, явно соответствующая идее Шаламова о том, что «писатель должен быть ниже всех, меньше всех. Это и нравственное и художественное требование» [3].

Скорее всего, этот властный тон исходит от абсолютной уверенности в своей правоте человека, знающего то, чего другие не знают. «Я северянин, знаю, где добро и зло».

Шаламов утверждает своё, не приводя никакой аргументации, ничего не доказывая, по крайней мере на уровне самой речи.

Он часто противоречит себе. Но если рассмотреть его многочисленные противоречивые высказывания, то оказывается, что лишь малая часть из них является нарушением последовательности в рассуждениях. В большинстве случаев автор мыслит парадоксами. Например, не раз Шаламов заявляет о том, что на Колыме дружба между заключёнными была невозможна, но, с другой стороны, он часто упоминает случаи настоящего товарищества. Или он освещает то одну, то другую, противоположную первой, сторону одного явления – например, он то отвергает религиозную веру как поддержку в беде, то признаёт её как «опору человеческой свободы» [4] или принимает её как вдохновение, близкое к поэтическому.

В общем, Шаламов не взвешивает доводов «за» и «против» и не употребляет диалектический метод мышления, потому что в его понимании тот подвергал бы сомнению в глазах читателя его радикальное осуждение лагеря, смягчал бы его картину лагерного мира. Посредством игры тезиса, антитезиса и синтеза обсуждаемый вопрос, кажется, решается раз и навсегда. В данном случае Шаламов желает, чтобы язва, оставленная сталинизмом в теле и в душе русского народа, оставалась зияющей. На Колыме и Бог и Дружба умерли. Эти заключения не терпят возражений.

Кроме парадокса, другим элементом категорического тона Шаламова является сопротивление чужому мнению. Всё, от чего он отказывается в любой сфере – педагогической, философской, служит писателю исходной точкой для утверждения собственной точки зрения. Он как правило, высказывается, выражая свой протест.

Общая схема его мышления восходит своими корнями к сопротивлению сына отцу, такому, каким, оно проявляется в монологе юноши-старика: «Да, я буду жить, но только не так, как жил ты, а прямо противоположно твоему совету» [5], тем не менее, эта оппозиция питается также резким отказом от распространённых учений.

Шаламов противится всяким системам идей, в том числе – «гуманистическим» взглядам, дорогим русской интеллигенции второй половины XIX века, а также коммунистическому мировоззрению XX века, ибо, как он считает и как это показывает исторический опыт, диктуемые этими учениями правила и привитые ими навыки разъединяют дух – «истинный смысл» и букву – «формальный смысл», дело и слово. А «соответствие слова и дела» [6] – первая «формула» нравственного кодекса Шаламова. По его мнению, разные идеологии грешили, и грешат против достоинства человека, вызывая в нём лживую надежду и губительные иллюзии. Шаламов выступает против всех утопий. Он, прежде всего, мыслитель-протестант. Разоблачая ложь, он выставляет правду без обиняков. Он навязывает нам свою правду.

Шаламов видел в Достоевском, его предшественнике в борьбе с утопизмом – пророка первых десятилетий двадцатого века: «Достоевский – писатель двух мировых войн и революций» [7]. Можно задать себе вопрос: «Считает ли себя Шаламов пророком и является ли он пророком нашей эпохи конца XX – начала XXI веков?»

Шаламов употребляет очень часто слово «пророк», его синонимы и близкие по значению слова – «предсказатель», «провидец», «проповедник», «учитель»... Воспитанный на священном писании, он любит упоминать о ветхозаветных пророках, которые выступали от имени Бога, обличали недостатки общества, а также давали советы царям, предсказывали падение государств. Из их уст народы слышали Божий голос.

В стихах о переходе от зимы к весне поэт показывает зимние звёзды ...

Как те далёкие пророки,

Чья сила всё ещё жива,

Что на стене рукою рока

Писали грозные слова [8].

Пророков политическая власть всегда преследовала и казнила:

И слишком страшно вспоминать,

Как доводилось умирать

Чудесным тем провидцам.

Их отправляли много раз
Кончать пророческий рассказ
В тюрьму или в больницу [9].

Атомная поэма

Название поэмы указывает время действия – наш век, в котором физики, вопреки предупреждениям об опасности для всего человечества, высказываемым новыми «Овидиями», создают мощное оружие для уничтожения людей, – наш век, в котором провидцы кончают жизнь в заточении. Одно стихотворение о колымчанах заканчивается так:

И вот, пройдя пути голгофские,
Чуть не утратив дара речи,
Вернулись в улицы московские
Ученики или предтечи [10].

Те мученики, которым удалось выжить, сегодня исполняют роль пророков. «Дар речи» отличает пророка от простого смертного. В этих стихах они принадлежат к окружению Христа в качестве предтеч или учеников, в других лагерник переживает страсти Христовы:

Он сам – Христос, он сам – распятый.
И язвы гнойные цинги
Как воспалённые стигматы
Прикосновения тайги [11].

Христос, явление которого на земле предвещали ветхозаветные пророки, назван мессией, т.е. избавителем, но поскольку он воплощает божью волю и истину, он также пророк.

Итак, в понимании Шаламова современный мир имеет своих пророков в лице случайно не погибших лагерников. Их старались лишить языка, как это испытывал сам Шаламов – словарь доходяги составлял слов двадцать. Но иногда можно вновь обрести дар речи. Показателен выход на поверхность сознания чуть окрепшего арестанта слова «сентенция» [12], которое намекает на нравоучение. Это слово моралиста и пророка.

Если продолжить мысль Шаламова о природе пророчества в наши дни, то можно вместе с ним утверждать, что даже если всех мыслящих людей, «лучших людей» истребят, тем не менее, останутся действующими и живыми их заповеди. Ведь у мёртвого Иоанна Предтечи отрезанная голова продолжала выражать его заветные мысли.

Поэты придут, но придут не оттуда,
Откуда их ждут.
Предместья всю жизнь дожидаются чуда
И чудо на блюде несут.
Оно – голова Иоанна Предтечи
Безмолвная голова.
Оно – немота человеческой речи,
Залитые кровью слова [13].
Кровавое лицо есть речь, а не немота.

А если на Колыме закопали мёрзлые трупы очевидцев в глубокие ямы, если скрыли от глаз людей навеки тела зэков-пророков, тогда всё же раздаётся другой пророческий голос – голос природы.

В природы грубом красноречье
Я утешение найду.
У ней душа-то человечья... [14].

В самом деле, огрубевшая в непосредственной близости проклятых лагерных зон колымская природа напоминает поэту древнейшие библейские края, дикие и жестокие. Из второй строфы этого стихотворения вспомним:

В краю, ещё библейски древнем,
Где день как человек жесток... и из четвёртой – последней строфы конец:
Где ждут явления пророка
Солдат, отшельник и злодей.

Бесчеловечная обстановка порождает идею о пророке. Люди, невинные и виновные, святые, служащие власти и преступники – все жаждут изменения к лучшему в своей судьбе и прислушиваются к предсказаниям.

В стихах Шаламова заметно отражение современности, не метафоричное, а прямое – из библейских преданий, например:

Законы бытия
Прозрачны до предела.
Всё, что сотворено
В последний день творенья

Давно осуждено на смертные мучения [15].

Человечество переживает вечные мучения. В колымском «библейском» краю многоголосье природы живых и неживых существ, деревьев, водопадов, ручьёв, ветра... принимает для поэта пророческий и нравоучительный смысл.

В «Колымских тетрадах» слову «пророк» Шаламов даёт неизменно положительную оценку - «чудесные пророки». Увы! Истинные пророки узнаваемы тем, что они, как правило, предсказывают не счастье, а несчастье. В процитированных выше строчках слова «пророк» и «рок» рифмуют – «далёкие пророки...Что на стене рукою рока...»

В библейских преданиях пророки встречаются и сталкиваются со лжепророками.

Под пером Шаламова-прозаика «пророк» звучит то одобрительно, то уничижительно. Размышляя, как мы видели, путём контрастов, парадоксов, противоречий, будучи скупым на объяснения, автор рассказов и эссе чаще всего использует слова «пророк», «учитель», «проповедник» без эпитетов. Отрицательную или положительную оценку читатель угадывает по контексту. Правда, иногда другое имя существительное в функции приложения уточняет смысл. Среди ссыльных «третьей Вологды» были «подвижники, пророки» [16]. Наоборот, в той же среде «были свои вожди и пророки, свои шарлатаны» [17]. Или по звуковому содержанию фамилия Шаламов перекликается с «шаманизмом, пророчеством» [18].

В русской литературе Шаламов отмечает существование пророческой традиции, видимо начиная с XVII века, если сослаться на поэму «Синтаксические раздумья»:

И был период двухстолетний,
Когда периодов длину
Любили вовсе не за сплетни –
За чувств и мыслей глубину
Но страстный слог витиеватый
Давно уж нам не по нутру.
Слова пророков бесноватых
Давно мы предали костру.
Скучна, скучна нам речь Толстого [19].

Слог доклассической словесности характеризовался для Шаламова подлинным красноречием, выразившим чувства и мысли писателя – витии. Пророк сам по себе «бесноватый». Он одержим, целиком охвачен истиной, отсюда его речь страстная. (Кстати сказать, разве не страстный слог у автора «Колымских рассказов» и «Антиромана» и не передаёт ли как раз эту страсть его властный тон?)

Пророческая линия русской литературы, как считает Шаламов, стала подвергаться искажениям в XIX веке. Настоящие пророки стали уступать место лжепророкам, представителями которых являются Лев Толстой и все «гуманисты». В глазах Шаламова писатель как таковой должен быть пророком своего времени. Согласно этому постулату он судит о творчестве Чехова: «Конечно, Чехов – большой писатель, но не пророк – отходит, стало быть, от русской традиции» [20]. Пожалуй, это – изъян [21].

Напротив, Достоевский «много угадал» – он предвидел и предсказал немедленное наступление и развитее насилия, используемого государством, против индивидуума. Но, как думает Шаламов, он «прошёл мимо практического решения этого теоретического вопроса» [22]. Значит, политическая власть XX века намного превзошла в применении насилия пессимистические предсказания Достоевского. Действительно, страшные реалии нашего столетия остались долго непредвиденными, поскольку История до тех пор не познала таких проявлений зла – адов мороза и огня [23].

Насчёт своего отца Шаламов замечает, что «XIX век боялся заглядывать в те провалы, бездны, пустоты, которые все открылись XX столетию» [24]. Даже люди, родившиеся, как Тихон Шаламов, в конце прошлого века и познавшие события революций и войн, не могли поверить в грядущую катастрофу. Бездны пока заслоняли утопии лжепророков, которые укрепляли вместе с терпением пассивное отношение к злу.

Шаламов высоко ценит проницательный ум Достоевского. Однако он противится ему как защитнику «народа-богоносца». Зато, жалея, что Чехов не пророк, он всё же разделяет его строгое суждение об инерции народа, которую он относит к тем же историческим причинам.

У каждой эпохи и у каждого общества свои пророки, которые вдохновляются идеями своих предшественников, а главное, черпают из современности элементы новых предсказаний.

В «Колымских тетрадах» образ Христа связан с лагерниками как символ их многолетних мучений. В «Колымских рассказах» фигура Христа стоит как будто за спиной двойника автора с прозрачным псевдонимом Крист. Рядом с автором, как в стихах, так и в прозе, видны другие христианские фигуры, в том числе Аввакум. Как раз Ирина Сиротинская говорит о Шаламове, что «был в нём аввакумов дух непримиримости, нетерпимости» [25]. Шаламов признаёт христианские добродетели – самоотверженность и духовное сопротивление. Но нигде он не относит прямо к себе подвиги Христа или Аввакума.

Как это ни удивительно, на первый взгляд, когда он обращается к великим образцам моральной чистоты, Шаламов выдвигает имя Будды. Почему? Можно предположить, что это святое лицо из далёких времён и краёв, эта светлая личность, поскольку в наших европейских глазах она свободна от исторических и религиозных коннотаций, легче всех поднимается над простыми смертными как символ и пример чисто человеческого и честного поведения.

Всю жизнь Шаламов стремился встречать «живых Будд». Они были нужны ему и как человеку и как ху-

дожднику.

Должны же быть такие люди,
Кому мы верим каждый миг.
Должны же быть живые Будды.
Не только персонажи книг [26].

Он искал своих Будд среди старших писателей. Находясь ещё в колымской ссылке, он приветствовал в Пастернаке этого Будду заочно, а затем в письмах и во время редких встреч ... вплоть до горького разочарования.

Будда просвещал людей, которые живут, как он думал, с рождения до смерти в постоянных страданиях. Он вёл аскетический образ жизни и побуждал других его вести, как лекарство от зла. Он учил, ставя себя в пример. Шаламов жаждал общения с людьми, похожими на Будду, и, вероятно, стремился играть подобную роль. Ведь лучше всего ему подходит имя носителя истины, достигнутой ценою крови учителя. Многие из его афоризмов достойны Будды, как этот: «У меня формула очень простая. То, чему ты учишь, делай сначала сам» [27].

Учить. Но имеет ли он право учить? Этот существенный вопрос заботит Шаламова и вызывает у него в разные моменты и в разных текстах различные и часто опять противоположные ответы. Если собрать его высказывания на эту тему, то получается следующее: с одной стороны – резкий отказ от учительства, ибо «человек не имеет права судить кого-либо, учить кого-либо жизни» [28]. Не учи ближнего своего [29], потому что «на свете есть тысяча правд», и учить оскорбительно, раз это нарушает равенство и ставит ученика ниже учителя.

На Вишере и на Колыме Шаламов разучился учить других, как он это делал в молодости – вспомним его протест после первого ареста, против побоев, нанесённых солдатом арестанту Зайцу. Вряд ли от протеста честного человека злодеи станут лучше! Лагерь ему дал понять, «что противник государственного насилия не должен сам употреблять моральное насилие. «Любое насилие над человеческой волей – это преступление» [31]. Оно ведёт к тирании.

Шаламов «исповедует этот главный закон» – «Не учи ближнего своего» – тем более убеждённо, что, как многие бывшие арестанты современных лагерей, русских, немецких и прочих, он имеет чувство ответственности за эти ужасы. Поэтому он считает, что «писатели новой прозы не должны претендовать на роль судьи» [32].

В итоге – «искусство лишено права на проповедь» [33].

Но, с другой стороны, отличие от журналиста-«подрочного» писатель – «совесть своего времени», «судья своего времени» [34]. Огромный личный опыт даёт ему не только нравственное превосходство, не только право писать, но и право судить [35], а опыт – это для Шаламова «великая проба духовных сил» [36]. Впечатляющ список приобретённых в лагере знаний, составленный краткими изречениями в маленьком тексте, написанном, по-видимому, для себя – «Ч то я видел и понял» [37]. Здесь звучит скромный тон человека, столько претерпевшего, а вместе с тем – самоуважение и гордость.

Чему же он нас учит? На основе долголетнего наблюдения чужого и собственного поведения в лагере он определил общие психические и моральные реакции на зло своих соотечественников и современников. В «Колымских рассказах» он даёт нам возможность услышать голос современности, поскольку она неотделима от прошлого и от будущего, голос Истории.

Компетентность Шаламова не односторонняя. Он заявляет: «Я не юрист, не историк, не журналист» [38]. Но он получил образование юриста, и он рассматривает своё время под углом зрения права, он ведёт борьбу с бесправием и беззаконием. А можно ли его назвать историком? В одном письме Пастернаку он признаётся: «Я слишком давно оторван от общественной жизни, от культурной жизни, чтобы жалеть об этом» [39]. Это трагическое признание. Социальной и культурной жизни – нормальной среды для цивилизованного человека он не знает, и она ему столь чужда, что он даже не испытывает сожаления!

Во вступительных главах «Четвёртой Вологды» автор пишет о прошлом России, не ссылаясь ни на документальный материал, ни на исторические труды. Доверяясь лишь своей памяти, он даёт иногда ошибочное представление некоторых фактов и лиц. Эти фактические неточности известны...

Внимание Шаламова привлекает, главным образом, XIX век, но не как историческая реалья, а как период, принесший решающие для будущего России идейные течения, словом, как предвестник XX века. Любопытность Шаламова направлена на связи, существующие между идеологиями, зародившимися десятилетия назад и «более земными» [40] реалиями его жестокой эпохи.

Лишённый возможности следить за эволюцией советского общества, оторванный почти всю жизнь от средств информации, Шаламов всё же вполне прав, когда заявляет, что он может обойтись без обыкновенной почвы исследования и считает себя достаточно вооружённым, чтобы понимать историю своей страны. С исключительным опытом сочетается у него неподкупная умственная независимость.

Читателя его поздних «Воспоминаний» поражают контрастные эскизы о Москве 20-х и 30-х годов, запечатлевшиеся в памяти автора во время двух пребываний в столице, разделяемых тюрьмой и лагерем. Старых впечатлений ему достаточно, чтобы осветить процесс обострения террора в стране. Читатель «Вишеры-Антиромана» захвачен углублённым анализом перековки, её истоков в первых лагерях Севера, сути новой организации рабского труда и её близких и далёких грозных последствий в свободном обществе. Шаламов умеет показать динамику насилия. Историзм его художественного творчества неоспорим.

Если обратить внимание на абстрактные термины, употребляемые Шаламовым с выразительной частот-

ностью, во-первых, можно заметить его вкус к большим словам – словам с большой буквы, хотя и он их пишет без неё. Во-вторых, заметно, что отвлечённая лексика Шаламова принадлежит к разным языковым областям, среди которых первые – церковный язык (апостол, предтеча, пророк и т.д.) и слова из сферы морали (добро, зло, нравственный, духовный, учить и т.д.). Представлены также сферы права (закон, закономерность, приговор) философии и других наук.

«Писатель черпает, и притом постоянно вне зависимости от собственности, не только из методов «смежников» в лице архитекторов, музыкантов, живописцев, но и из науки, философии» [41].

Что касается философской и научной сфер, показательное употребление слова «вывод». Подводя итог своему лагерному опыту, Шаламов пишет: «В мозгу давно лежит вывод, какое-то суждение о той или другой стороне человеческой жизни, человеческой психики. Этот вывод достался ценой большой крови и сбережён, как самое важное в жизни. Человеком овладевает непреодолимое чувство поднять этот вывод наверх, дать ему живую жизнь» [42]. Если Шаламов испытывает потребность оживить свой существенный вывод искусством, «то он заимствует у наук метод исследования человеческой природы, правда, вопреки его мнению о том, что «наука, искусство и поэзия – миры несходные, параллельные» [43] и его критическому отношению к изобретениям «научно-технической революции».

При чтении Шаламова. иногда возникает ощущение, что высказывается одновременно философ-моралист, юрист, историк-учёный и пророк. Не потому ли, что дар предсказания в наши дни требует от мыслящего человека разносторонней квалификации?

Как у древних пророков, у Шаламова истина возникает как внутреннее вдохновение. В мозгу давно лежит вывод...Его вывод не подвергается сомнению. Он подобен Божьему гласу.

Шаламов разделяет с пророками всех времён потребность проповедовать. Пророческий ли его рассказ?

На рубеже XX и XXI столетий, и ещё более на рубеже двух тысячелетий, многим хочется оценить пережитое. Некоторые ищут в писаниях выдающихся людей предшествующих поколений прогнозы того, что совершается сейчас, и предсказания назавтра.

Этнографический и исторический анализ концентрационного мира Шаламова содержит такие прогнозы. Тот «вывод», о котором шла речь, тысячу раз иллюстрируемый в повествовательной прозе «Колымских рассказов», сформулирован особенно ясно и смело на этой странице «Воспоминаний».

«В человеке гораздо больше животного, чем кажется нам. Он намного примитивнее, чем нам кажется. И даже в тех случаях, когда он образован, он использует это оружие для защиты своих примитивных чувств. В обстановке же, когда тысячелетняя цивилизация слетает, как шелуха, и звериное биологическое начало выступает в полном обнажении, остатки культуры используются для реальной и грубой борьбы за жизнь в её непосредственной, примитивной форме... Как вывести закон распада» [44]. Шаламов формулирует этот закон, универсальный и грозный. Он увидел, что «тёмные силы утверждали свою вечность» [45], и торжествуют за немением строгой бдительности, при ослаблении духовных сил. Шаламов провозглашает закон «расстления общества, любого общества».

Он уверен, что прошлое не учит ("Опыт наш не нужен никому" [46]), что 1937 год может повториться. Но, раз он человеколюбец, он не оставляет нас в недоумении и отчаянии перед апокалипсическим зрелищем. И новый Будда нам советует вести «борьбу за себя, внутри себя и вне себя» [47].

В эссе «О моей прозе» Шаламов пишет: «Литература никак не предсказывает, не показывает будущего. Литература менее всего футурология, к сожалению» [48].

Но что касается его творчества, чуть выше он заявил: «Рассказы – это моя душа, моя точка зрения, сугубо личная, то есть единственная». И в «Поэте изнутри» он определяет понятие правды писателя, «правды таланта» как сначала личной, а затем универсальной: «Правда становится общей уже после того, как она осуществлена в искусстве» [49].

Писатель-пророк, поэт-пророк, Шаламов предлагает «новый гуманизм». Он борется за сохранение или спасение человеческого начала в людях. Он не интересуется никаким «улучшением человеческой породы». А если русский народ – его постоянная забота, то он чужд всякой идеи о мессианстве и о превосходстве своего народа над остальными.

Своим соотечественникам он советует восстановить культурную связь с прошлым, ибо «утрачена связь времён, связь культур» [50] в современной России.

Впоследствии, после смерти Шаламова, эта связь не была восстановлена в результате свержения коммунистического строя, а, наоборот, во второй раз порвана новым отречением от недавнего прошлого страны. Это показывает вполне убедительно историк Валерий Есипов, развивая тезис о «демократизации пороков» [51] в «большом обществе, охваченном политической лихорадкой» [52].

Те, кто издали, например, из Европы старается понять происходящее в России начала XXI века, должны сохранять в памяти, на примере самого Шаламова, кровавое прошлое наших стран, и иметь перед глазами картину расстления западного общества, и не упускать из виду аналогичную «демократизацию пороков», пороков, удивительно похожих на российские, при демагогической политике наших руководителей. Определение современности как «времени болей и утрат» относится и к нам, к нарастающему вопиющему неравенству между гражданами, к губительным националистическим движениям, к братоубийственным войнам. И эти наблюдения можно обобщить до пределов континентов. Мир раздирает тут тирания, там анархия.

Наш вывод совпадает с выводом Шаламова. На его вопрос: «Разве уничтожение человека с помощью государства не главный вопрос нашего времени?» [53] честные люди в Европе ответят «да» и примутся за его решение.

Варламу Шаламову не подходила роль миссионера. Он «пророк-отшельник», «аскет-пророк» [54]. Спасителен

ли его голос, который едва слышался при его жизни и ещё слабо слышен среди нас. До каких же пор?

Литература

1. Варлам Шаламов. Из записных книжек. Шаламовский сборник. – Выпуск 2: «Грифон». - 1997. - С. 29.
2. Шкловский Е.А. Варлам Шаламов. - М: Знание, 1991. - С. 7.
3. Шаламов В. 0 прозе Собрание сочинений в 4 томах. - М: Художественная
4. Литература, «Вагриус», 1998. - Т.4. - С.365.
5. Юлий Шрейдер. Безрелигиозное христианство Варлама Шаламова. - Сегодня. - 5 марта 1994. - С.11. Варлам Шаламов. Четвёртая Вологда. Собр. соч. в 4 т., вышеуказ, издание. - Т.4. - С. 141.
6. Из записных книжек, вышеуказ, произведение. - С.64.
7. Там же. - С. 45.
8. Варлам Шаламов. Колымские тетради., Версты.. - М: 1994. - С. . 75.
9. Там же. - С.53.
10. Там же. - С. 64.
11. Там же. - С.62.
12. Рассказ «Сентенция». - Собр. соч. в 4 т. - Т.2.; Левый берег. - С.357-366; Колымские тетради. - С.232.
13. Там же. - С.155.
14. Там же. - С.166.
15. Четвёртая Вологда. - С.18.
16. Там же.
17. Там же. - С. 48.
18. Колымские тетради. - С. 257.
19. Варлам Шаламов. О моей прозе. - Собр. соч. в 4 т. - Т.4. - С. 379.
20. На то, что Чехову недостаёт дара предвидения, можно возразить, ссылаясь на монологи персонажей его пьес о лучшей жизни через двести- триста лет и подчёркивая оптимистические прогнозы автора. Но правильное сказать, что Чехов как писатель и общественный деятель заботился больше всего о сегодняшнем дне, о срочном действии с той надеждой, что добрые поступки не напрасны. И он осмелился возлагать надежды на отмену самых вопиющих несправедливостей и трудился с этой целью. Это значение его посещения каторги на Сахалине и его книги о ней.
21. Четвёртая Вологда. - С.18.
22. В предисловии к «Четвёртой Вологде». - «Грифон», 1994. - С.6-7.; Валерий Есипов уточняет мысль Шаламова: «Ведь речь идёт о кровавой мировой «практике», оставившей миллионы трупов в вечной мерзлоте Колымы и печах Освенцима».
23. Четвёртая Вологда. - С. 9.
24. Шкловский Е.А. Варлам Шаламов. - С. 7.
25. Стихи из сборника «Точка кипения». - Русская мысль. - 1988. - № 9
26. Из записных книжек. - С. 39.
27. Варлам Шаламов. Поэт изнутри. Несколько моих жизней. - М: Республика
28. 1996. - С.434.
29. Из записных книжек. - С. 37.
30. Валерий Есипов цитирует Варлама Шаламова в статье «Секрет истины», провинциальные споры в конце XX века. - Вологда: Грифон, 1999. - С.174.
31. Поэт изнутри. - С. 434.
32. Эту фразу цитирует Валерий Есипов в статье «Карфаген должен быть разрушен» в книге «Провинциальные споры в конце XX века». - С. 174.
33. Эту фразу цитирует Валерий Есипов в статье «Секрет истины». - С.277.
34. Переписка Бориса Пастернака. - М.: Художественная литература, 1990.
35. Письмо Варлама Шаламова от 27/12/5: «Хочу..., чтобы Вы по-прежнему были совестью нашего времени» и «Вишера. Антироман». - М.: «Книга», 1989. –С.43.
36. 0 прозе. - Т. 4. - С. 360.
37. Варлам Шаламов. Вишера. Антироман. - С. 43.
38. Что я видел и понял. Шаламовский сборник. - Выпуск 2. - С. 5-6.
39. Из записных книжек. - С. 38.
40. Письмо Шаламова Пастернаку. Переписка Бориса Пастернака. - С.538.
41. В Четвёртой Вологде. - С.52.; «Но задачи XX века более сложны, более земны»
42. 0 моей прозе. - С.375
43. 0 прозе. - С.362.
44. О моей прозе. - С. 386.
45. Варлам Шаламов. Воспоминания. - Знамя. - 1993. - № 4 - С. 126-127
46. Четвёртая Вологда. - С. 197.
47. Из записных книжек. - С.40.
48. 0 прозе. - С. 366.
49. О моей прозе. - С. 386.

50. Правда в искусстве. - Т.4. - С. 324.
51. Переписка Варлама Шаламова и Надежды Мандельштам. - Знамя. - 1992. - № 2. - С. 160.
52. Валерий Есипов. Карфаген должен быть разрушен. - С. 194.
53. Валерий Есипов. «Вы будете гордостью России... Варлам Шаламов. Четвёртая Вологда. - С. 3.
54. О прозе. - С. 370.
55. Четвёртая Вологда. - С. 46.